

Леди Акаса должна была быть предана земле на девятый день после смерти. Восемь дней до этого в Доме Заферии проходили пышные похороны. Почти все в королевстве пришли отдать ей дань уважения. Точнее, все достаточно богатые. Мальчики, за исключением Ронина, должны были демонстрировать скорбь вместе с отцом. Затем их утешали гости, они снова скорбели, снова их утешали гости. В глазах Ронина это было утомительным действием, и он был рад, что его не включали в эту церемонию. По большей части скорбь герцога Таэваса казалась искренней. Конечно, были моменты, когда он явно преувеличивал, насколько сильно "любил Акасу, несравненную ни с какой женщиной в Магеции". Но по-настоящему он горевал тогда, когда молчал. Когда смотрел на её лицо сквозь прозрачное стекло гроба. И только маленький Ронин мог улавливать его мысли. (Ты, должно быть, проклинаешь меня сейчас, на Другой Стороне. Я бы ничего другого и не ожидал. Назовешь меня, как всегда, черничным дурачком?) Другая Сторона – это то, что большинство людей в Магеции считало загробным миром. В конце концов, боги ходят среди них, но и исчезают. Поэтому они предполагали, что в Магеции существует Другая Сторона, место, где обитают духи умерших и те, кто был не человеком. Конечно, некоторые считали, что духи остаются на Другой Стороне навсегда, другие верили, что они перерождаются и занимают новые тела. Это был единственный спор в религии, помимо того, кто из богов лучше. Герцог Таэвас принадлежал к тем, кто считал, что умершие остаются на Другой Стороне навсегда. Что было странно, потому что жители королевства Сефирина в основном верили в реинкарнацию. (Когда ты встретишься со мной там, ты можешь атаковать меня, сколько захочешь. В конце концов, я достаточно на тебе паразитировал. Все, что мне нужно было сделать, – стать твоим другом и казаться компетентным в глазах твоей семьи... И я получил жизнь, которую хотел.) (Но ты, возможно, прав на протяжении всего времени, я разрушаю все, к чему прикасаюсь... включая тебя.) Ронина всегда интересовало, когда Таэвас думал об этом. Судя по всему, герцог Таэвас и герцогиня Акаса, возможно, не любили друг друга романтически с самого начала... Но они могли быть друзьями до брака. Он задавался вопросом, не испортил ли этот брак дружбу и не заставил их ненавидеть друг друга. В последний день похорон, перед захоронением на семейном кладбище на самом дальнем краю царства Целестуса, герцог Таэвас произнес речь, чтобы поблагодарить всех, кто присутствовал и разделил с ними их скорбь. "Вы, возможно, все знали мою любимую жену как одну из самых дружелюбных и общительных женщин в высшем обществе. Её любили за замечательные навыки бального танца, её остроумие и её очарование по отношению ко всем... даже к тем, кого она встречала впервые", – начал он немного ностальгическим тоном. "Помню, как впервые встретил её на балу Пакс Сефири на столичной площади... Она не была самой роскошной, самой богатой или даже самой интересной... но она привлекла мое внимание". "В ней было что-то такое, что было трудно найти в ком-то другом. Что-то, что я обычно полагал, что смогу найти в мужчине – в товарище". "Она была настоящей, и она не стремилась произвести впечатление. Она знала, что сказать, но не боялась использовать свой острый язык, чтобы полностью уничтожить кого-то словами. Если бы она родилась в менее справедливом поле, думаю, она могла бы стать даже высшим советником нашего короля, или, может быть, даже послом нашего королевства! Ха-ха!" Все вежливо рассмеялись над этой "шуткой", не зная, что герцог Таэвас вовсе не шутил. Только Ронин мог это понять. Он действительно думал именно так, но ни один из этих дворян, ни мужчины, ни женщины, не верили, что женщина могла бы стать послом или советником, который мог бы поддерживать мир между народами. Женщины, возможно, могли бы поддерживать мир в семье, но что-то столь же грандиозное, как это, было обязанностью мужчины. "Я... и мои дети... будем очень скучать по ней. Но у каждого камня есть свой блеск, и её уход мог принести благословение семье". "Хотел бы, чтобы вы все познакомились с моей первой дочерью, четвертым ребенком Дома Заферии". "Четвертым!" Маэлла, который стоял рядом с Ронином, незаметно наблюдая за речью наверху, воскликнул. "Он же собирается представить Ронина тоже?" Перила балкона, с которого они смотрели, были достаточно высокими, чтобы скрыть крошечного Ронина. Он просто выглядывал из-за изгибов замысловатых узор, и его глаза

расширились от этого. 'Этот человек, который так беспокоится о своей репутации и престиже, представит своего проклятого сына? Неужели смерть герцогини Акасы так сильно его изменила?' - почесал он подбородок. Маэлла́н был взволнован этим объявлением больше, чем его оскорбленный брат, и держал маленькую руку Ронина. "Не бойся, Ронин. Я буду с тобой, не бойся людей! Я уверен, что они примут тебя так же, как и мы..." "К сожалению, наш третий ребенок... который должен был стать третьим из наших молодых людей... погиб во время выкидыша. Но наша любовь и страсть остались, и поэтому у нас появился ещё один ребенок, на этот раз красивая цветочка". Он взял запеленатого ребенка из рук Эсы. "Хочу представить вам всех Белладонну Заферии, моего последнего ребенка с чудесной Акасой Заферии". "Пфффффф, 'выкидыш'. Ха-ха-ха-ха-ха!" Зеуксис хихикал почти до слез. Маэлла́н отчитал его. "Зеуксис, это не смешно! Извинись перед Рони́ном сейчас же". "Почему я должен? Он всё равно 'мёртв'!" Зеуксис убежал, всё ещё хихикая про себя и показывая Ронину язык. "Ненавижу то, что отец заставил тебя пережить это. Он трус". Маэлла́н сказал, сжимая кулак. "Я должен был знать". "Я не удивлен". Ребенок ответил тоном формального джентльмена, но с заиканием и высотой тона маленького ребенка. "Пойдём, я дам тебе немного шоколадных печений, которые ты любишь, чтобы ты успокоился. Однажды тебе не придется быть тайной этого дома". Маэлла́н потянул его за собой, но Ронин не двигался. Он смотрел на своего отца, который произносил тост, и на плачущую и вопящую девочку-младенца у него на руках. В отличие от Ронина, эта девочка только и делала, что плакала, как будто она сама была расстроена своим собственным существованием. Белладонна была красивой голубоглазой малышкой с пронзительными голубыми глазами, которые были всегда влажными, она всё время пинала и била своего отца. Но Ронин не на неё был сфокусирован. Среди толпы был человек, чьи губы не переставали двигаться до сих пор, но никто не обращал на него внимания. Он указал на ребенка с улыбкой, разговаривая с какой-то невидимой силой о ней. Рядом с ним появился голографический экран. [Имя: Чермин Дрихшпиль Тип магии: Золотой Небесный Герой-маг Роль: Главный герой/ Героический Протагонист]

<http://tl.rulate.ru/book/87817/4209339>